

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭТИКЕТНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Т.Г. Михальчук, Могилевский государственный университет им.А.А. Кулешова (Могилев, Беларусь).

Аннотация. В статье речь идет о морфологических средствах выражения этикетности в русском языке и в русской художественной литературе. В аспекте этикетности рассматриваются такие части речи, как имя существительное и глагол.

Ключевые слова: этикетность, имя существительное, глагол, русский язык, русская художественная литература, перформативы, тематическая группа, число глагола, времена глагола.

Национальной особенностью русского обращения 19 века в среде крестьян была замена мужского имени женским по отношению к мужчине. Приведем пример из произведения И.С. Тургенева с авторским комментарием:... – *Пой, Купря!.. Молодец, Александра!* (Дворовые люди часто, для большей нежности, говоря о мужчине, употребляют женские окончания). *Пой!* (И. Тургенев. Записки охотника. Контора).

Среди господ употреблялось обращение голубчик, голубушка: – *Съезди, такой-сякой, голубчик, в город* (Н. Лесков. Очарованный странник). – *Конечно приду, голубушка, – ответил князь Василий* (Л. Толстой. Война и мир).

Но, как свидетельствуют художественные произведения, голубчик, мой дружок использовались и по отношению к женщине: – *Долли, голубчик, он говорил мне, но я от тебя хочу слышать, скажи мне все, – сказала Анна* (Л. Толстой. Анна Каренина). – *Прощайте, мой дружок, – отвечала графиня* (Л. Толстой. Анна Каренина).

В пьесе А.Н. Островского «Без вины виноватые». Миловзоров слово «мамочка» использует в роли обращения как к мужчине, так и к женщине: [*Миловзоров (Шмаге):*] *Друг, а боишься; хорош, мамочка!* [*Миловзоров (Незнамову):*] *Ведь это философия, мамочка!* [*Коринкина*]: *Скажу, скажу...* [*Миловзоров*]: *Да, мамочка, уж сделай милость.*

Вежливо ли называть женщину словом мужского рода? В русском языке коррелятивные существительные, называющие лиц мужского и женского пола, образуют различные оппозиции: эквиполентные (москвич-москвичка, красавец-красавица, румын-румынка; мужчин называют словом мужского рода, женщин – словом женского рода) и привативные (учитель, писатель, поэт – можно сказать и о мужчине и о женщине). Это различие рассматривали многие ученые, см., например: Виноградов [3]. В терминах оппозиций его описал Панов [12]. Целые серии существительных мужского рода – наименования лиц по профессии, роду занятий, деятельности – используются в литературном языке как нейтральные номинации женщин. Типичный пример: «Учителя нашей школы Иванова, Петрова, Семенова летом поедут отдыхать на Волгу».

Обижают ли женщин подобные факты? Не есть ли это проявление невежливости, «мужского засилия»? Во многих языках, в том числе славянских, в соответствии с именами лиц мужского пола регулярно образуются коррелятивные имена лиц женского рода.

Несмотря на очевидность своеобразия русского языка в этом отношении представители феминистической лингвистики считают, что ситуация в русском языке обидна, несправедлива и даже оскорбительна для женщин. Так ли это? «Русский язык

устроен иначе в рассматриваемом отношении, чем многие другие. В нем далеко не все существительные – имена лиц мужского рода имеют женские корреляты. Значительное число слов мужского рода типа *педагог, филолог, гид, клоун, доктор, декан, директор* не образуют нейтральных наименований женщин. В разговорном языке употребляются слова типа *филологиня, клоунесса, докторша, врачиха, директриса*, но они имеют явно сниженный характер, шутливую или ироническую окраску. Вряд ли какая-нибудь женщина предпочтет нейтральному слову мужского рода образования, подобные вышеприведенным. Кроме того, от многих слов мужского рода (типа *академик*) женские корреляты вообще не образуются» [7, с. 279].

Мы имеем дело с конфликтом между абстрактными требованиями справедливости и исторически сложившейся структурой русского языка. Немногие разряды имен лиц (в первую очередь на *-тель, -ник, -щик, -ант, -ент*) образуют нейтральные женские наименования. Однако, хотя это может показаться парадоксальным, многие женщины не хотят, чтобы их называли словами типа *аспирантка, диссертантка*. Имеются свидетельства [14, с. 253], что жители Саратова воспринимают подобные слова как невежливые. Вспомним, что Марина Цветаева и Анна Ахматова не хотели, чтобы их называли поэтессами.

Очевидно, что в каждом языке и культуре формируется свое представление о вежливости. Исторически сложившаяся структура языка (которую иногда называют «маскулинной») не всеми народами воспринимается как угнетение прекрасного пола [8, с. 95].

В 19 веке форма глагола ед.ч. употреблялась подобно местоимению «ты» при обращении «вышестоящего к нижестоящему», в неофициальной обстановке общения при дружеских, близких, интимных отношениях, а также при возрастном неравенстве (старшего к младшему, родителей к детям): [*Хлынов (богатый подрядчик) Аристарху (мещанину):*]. Ну, братец, говори скорей!.. (А. Островский. Горячее сердце). [*Кабанов (жене):*]. Почитай, Катя, маменьку, как родную мать! (А. Островский. Гроза).

Личные формы глагола и краткие формы прилагательного во мн.ч. являлись средством выражения значения вежливости так же, как и местоимение «вы» по отношению к одному лицу: [*Дудукин (Коринкиной):*]. Ревнуете, бесценная моя! (А. Островский. Без вины виноватые). [*Милонов (Гурмыжской):*]. Вы прекрасны. Прекрасны!.. (А. Островский. Лес).

В речи крестьян, как показывает художественная литература, вежливое *вы* отсутствовало [16]. Его отсутствие в речи крестьян 19 века интересно сопоставить с иным специфическим феноменом русского языка: употреблением формы 3-го лица мн.ч. глагола по отношению к одному человеку. Такое употребление как показатель гипервежливости, сверхпочтительности было присуще некоторым слоям городского населения (мещанству, купечеству, прислуге) – по отношению к господам, родителям или почитаемым родственникам. Это явление находит отражение в языке художественной литературы, особенно часто у А. Островского. Приведем иллюстрации из творчества И.А. Гончарова. В романе «Обломов» «почтительное согласование» фиксируется как постоянная особенность языка вдовы Пшеницыной – по отношению к братцу и Обломову (*братец потребовали, объявили, пришли...*), кухарки Обломова Анисьи и горничной Ольги (*барышня плачут да молчат*), реже в речи мужчин – братца (*какие деньги брали Илья Ильич*) и Захара. Такое согласование находит опору в наименовании тех же лиц формой местоимения 3-го лица мн.ч. – *они*. Так, Пшеницына, говоря об Обломове, постоянно именуется *они*: *Они мне никакого письма не давали; Они ничего не должны* (И. Гончаров. Обломов).

Применение форм 3-го лица мн.ч. глагола по отношению к одному человеку дожило до наших дней, оно отмечается в речи горожан и сельских жителей [15].

В русском языке просьба часто выражается перформативами *прошу, просил бы, попрошу, попросил бы*: – *Я просил бы вас продолжать ваш прежний разговор, – заметил он, – если только я не мешаю...* (Д. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

Ю.Д. Апресян обращает внимание на то, что при перформативном употреблении этих форм различия между ними «лежат не в области семантики вида, времени, наклонения, а в области прагматики и сводятся к различиям в степени вежливости: сослагательное наклонение – самая вежливая форма просьбы, а совершенный вид – самая жесткая» [2, с. 215].

Так же оценивают характер иллокутивного воздействия просьб, выраженных эксплицитными перформативами, Н.И. Формановская, А.А. Акишина, В.М. Матвеева: «Сослагательное наклонение подчеркивает некатегоричность просьбы или предложения: Я очень просил бы тебя писать мне чаще» [1, с. 108]. В.М. Матвеева по отношению к примеру – «Просьба выражена менее категорично, смягченно» [11, с. 59]. – *Я просил бы вас потише, – сказал один из интеллигентов, поглядев на маску через очки. – Здесь читальня, а не буфет... Здесь не место пить* (А. Чехов. Маска).

В статье, опубликованной в 1991 году, М.Я. Гловинская настаивает на том, что глагол «просить» «перформативно в значении чистой просьбы употребляется только в несовершенном виде, настоящем времени: Прошу вас помочь моему сыну. В значении просьбы невозможны: Я попросил бы, просил бы, попрошу вас помочь моему сыну» [4, с. 63]. Модифицируя спустя год свои взгляды на значения формы просил бы, М.Я. Гловинская утверждает, что и в значении просьбы невозможен перформатив СВ: *Попрошу (я попросил бы) вас помочь моему сыну*» [5, с. 129], значит, возможен перформатив НСВ «я просил бы».

Й. Крекич считает, что все перечисленные эксплицитные перформативы (*прошу, попрошу, просил бы, попросил бы*) способны выражать просьбу, а не только форма *прошу*, которая кроме значения просьбы в состоянии передавать и предложение, и приглашение, и требование, и даже приказание [9, с. 145]. В другой своей работе Й. Крекич категорически не соглашается с высказыванием М.Я. Гловинской, что «в значении просьбы невозможен перформатив СВ». Аргументация приводится следующая: «глагол *попрошу* в состоянии обозначать и просьбу, а во-вторых, потому что он в значении усиленной просьбы может сочетаться с наречием высокой степени (очень, убедительно) [10, с. 62].

Приведем пример из художественного произведения, в котором вежливая просьба выражается формой сослагательного наклонения совершенного вида глагола испить (испить ба – разговорно-просторечный вариант глагола попить бы): *Молчала деревня. Большак вытер лицо подолом рубахи, вздохнул: – Испить ба. Враз трое молодежи из толпы брызнули. Одна к колодцу, две – по погребам. Пока первая бадьей гремела, две другие уже из погребов вынырнули, и к большаку все три подошли одновременно: с водой, молоком и квасом. – Спасибо, бабоньки, – сказал он и попил всего понемногу. – Вода у вас вкус имеет. Молоко отстоялось, холодненькое. А квасок-то, квасок – аж душа просветлела. Храни вас Христос, бабоньки* (Б. Васильев. Вы чье, старичье?).

Как показывает пример, «просьба» нередко дается в одном функционально-речевом блоке с «благодарностью», «одобрением», «пожеланием». Обычно присутствует обращение и, как правило, мотивировка: – *Товарищи, ведите себя прилично, – снова попросил Руководитель. – Что они подумают о русских* (В.Токарева. Сентиментальное

путешествие). *Этак помыкался парень с год, потом приходит ко мне, и – «Папаша, продайте шерсть, сделайте милость! Ничего я в этих делах не понимаю»* (А. Чехов. Степь).

«Близки к просить глаголы апеллировать, запрашивать (что-л.), упрашивать, испрашивать (устар.), обращаться (с просьбой), отпрашиваться, проситься, ходатайствовать. При этом апеллировать, запрашивать и ходатайствовать указывают на официальный статус и официальный характер самой просьбы. Клянчить и особенно канючить содержат указание как плаксивый и настойчивый тон говорящего. К умолять близки по смыслу глаголы взмолиться, взывать о..., вымаливать, заклинать, молить» [6, с. 181]. Эти перформативы широко употребляются писателями в авторских ремарках, подчеркивающих характер просьбы: – *Да посиди ты, посиди, Аля! Сейчас Митя придет, чай будем пить... Лида не просила ее – упрасивала. Глядела на нее с восхищением, с обожанием* (Ф. Абрамов. Алька).

О глаголах тематической группы «Поздравление» пишет М.Я. Гловинская в статье [6, с.210]. Речь идет о перформативе поздравлять – поздравить: *Поздравляю вас с праздником, ваше сиятельство, с благодатью господней* (И. Бунин).

Р.И. Розина в своей работе говорит о существовании релевантного семантического класса глаголов обладания с речевыми компонентами, «считая, что предмет, который он передает Бенефицианту, представляет собой некоторую ценность. Субъект действия хочет, чтобы Бенефицианту было хорошо». В некоторых случаях осуществление речевого акта поздравления достаточно для того, чтобы передача собственности состоялась – например, сказать дарю, назвав непосредственно находящийся рядом предмет или указывая на него, может быть достаточно, чтобы он был подарен, и дарю превращается в перформатив» [13, с. 305].

Глаголы тематической группы «Пожелание».

М.Я. Гловинская выделила перформативы: желать (удачи, счастья) – пожелать, напутствовать: – *Так пожелаю же тебе, Василий Палыч, деньжонок, пока они вовсе не отомрут* (М. Зощенко. Деньги). «Глагол *напутствовать* обозначает пожелание при прощании. Сама прощальная формула напутствием быть не может: «До свидания,» – напутствовал он нас. Напутствовать не является перформативом, этот глагол менее конвенционален, чем желать, напутствие может выражаться достаточно разнообразными формулами» [6, с. 211].

Морфолого-синтаксический способ предполагает в ситуации «согласие-несогласие» употребление некоторых морфологических форм с целью смягчения категоричности выражение несогласия.

Перенос согласия во времени:... – *Мы сейчас опять за дело... – Может быть, вы устали, Игнатий Львович, – проговорил Привалов, – тогда мы в другой раз...* (Д. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы). – *Чего вы здесь, однако, сидите, Сергей Александрович, пойдемте лучше вниз: там встретим много знакомого народа. – Я приду немного погодя, а теперь пойду здороваться с Антониной Ивановной, – отвечал Привалов* (Д. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы). – *...а пока, с вашего позволения, я познакомлю вас в общих чертах с нашей опекой. – Нельзя ли в другой раз, Александр Павлыч? – взмолился Привалов, чувствовавший после обеда решительную неспособность к какому-нибудь делу* (Д. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы). – *Хочешь есть?.. Нет? Ну, тогда докладывай свои мытарства, странница. – Может, поспать мне хоть часок? – заикнулась Поля, то и дело поникая от утомления. – А то просто голова у меня, Павел*

Арефьич, отымается (Л. Леонов. Русский лес).

Из приведенных примеров видно, что несогласие на данный момент, выраженное согласием «в будущем времени», включает в себе две части (в большинстве случаев), одна из которых собственно перенос, а другая – указание на причину, вызвавшую его. Форма переноса согласия во времени, таким образом, обычно снабжается дополнительным обоснованием. Это указание причины несогласия делает его вежливым по форме.

В последнем из приведенных примеров «Может, поспать мне хоть часок?» – собственно перенос во времени (дополнительно смягчается вводно-модальной частью «может» и вопросительной формой предложения, снижающими категоричность высказывания), а вторая часть «*А то просто голова у меня, Павел Арефьич, отымается*» является пояснением к первой указанием причины переноса согласия во времени (отказа).

Литература:

1. Акишина А.А., Формановская Н.И. Этикет русского письма. – М.: Русский язык, 1986.
2. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1947.
4. Гловинская М.Я. Словарная статья глагола просить // Семантика и информатика. – Вып. 32. – М., 1991.
5. Гловинская М.Я. Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка. Модели действия. – Вып. 5. – М., 1992.
6. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык и его функционирование. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993.
7. Земская Е.А. Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка // *Zfűtschreft für Slavische PHILOLOGIE* Band LVI. Begrűndet von M. Vasmer Universitűtsverlag C/ Winter. Heidelberg, 1997.
8. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его функционирование: коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993.
9. Крекич Й. Побудительные перформативные высказывания. Szeged, ICYTF Kiado, 1993.
10. Крекич Й. Употребление эксплицитных перформативов просить и попросить // Русистика. – Берлин: Dieter Lenz Verlag. – 1996. – № 1/2S.
11. Матвеева В.М. (ред.) Пособие по русскому языку. – М.: Русский язык, 1984.
12. Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе // Вопросы языкознания. – 1962. – № 3. – С. 3-16.
13. Розина Р.И. Дарю (релевативный семантический класс глаголов обладания // Лики языка. – М.: Наследие, 1998. - С. 305–314
14. Сиротина О.Б. Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи. – М., 1988.
15. Скитова Ф.Л. Об одной синтаксической особенности городского просторечия // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1989.
16. Фет А.А. Воспоминания. – М., 1983.

© Т.Г. Михальчук, 2015.

© «Наука. Мысль», 2015.

— ● —

Abstract. *This article examines the morphological means of etiquette expression in the Russian language and Russian literature. Regarded in the light of etiquette, the author considers such parts of speech as a noun and a verb.*

Keywords: etiquette, noun, verb, the Russian language, Russian fiction, performatives, thematic group, verb number, verb tenses.

— ● —

Сведения об авторе

Тамара Григорьевна **Михальчук**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Могилевский государственный университет им.А.А. Кулешова (Могилев, Республика Беларусь).

— ● —

Подписано в печать 13.12.2015.

© Наука. Мысль, 2015.